

Его окутывает туман. Мягкий мох подталкивает мальчика вверх, вперед. Помогает продираться сквозь царапающие кожу колючки и тянущиеся к глазам и кудрям ветки. Голые ноги и босые ступни насквозь продрогли. Если бы его не защищала хлопковая ткань кальсон, хлесткие удары побегов давно свалили бы его с ног.

Он ускоряется, перескакивая через поваленные коряги и продираясь сквозь бурелом сосновых веток и гниющих ясеней. Он спешит, торопится вперед. Сердце стучит все сильнее, пока стук его не заглушает боль и голоса прячущихся в тени охотников.

Не будь той ямы, что разверзлась перед ним, ухватила его за ногу и повалила на землю, он бы, может, и сумел ускользнуть. Но в тот момент, когда лицо его ударяется о затянутый мхом камень, распростертое, словно крест, тело замирает, а глаза закатываются, он слышит их голоса совсем близко:

«Смерть волку, смерть волку, смерть волку...»

1.

Санна Берлинг оглядывается по сторонам, стоя в пустой выгоревшей комнате. Коричневатый грязный свет просачивается сквозь покрытое соляной коркой пыльное окно. Запах ввевшегося дыма и плесени проникает глубоко в носоглотку. Комната кажется темнее с каждым ее новым приходом. Может, это все деревья, свободно разросшиеся вокруг дома, а может, оптическая иллюзия, виной которой невероятная усталость.

Она аккуратно проводит пальцами по стене, покрытой слоем копоти. Там, где слой тоньше, проступают потертые обои детской. Она зажмуривается, опускает руку и следует вдоль стены до двери. Достигнув дверного проема, она, как и всегда, останавливается перед процарапанной на дереве надписью. Пальцы ощупывают выведенное детским почерком слово: «КЫШ».

Когда она выскальзывает наружу сквозь двойные входные двери дома, стайка птичек вспархивает с раскидистого гибнущего дерева в саду. Дерево-оберег, призванное защищать дом от сглаза. Воздух наполняется шелестом крыльев, словно пташек преследует надвигающаяся буря.

Она стоит перед открывающимся взору простором. Вся эта часть острова, от близлежащих полей и лугов, тянущихся вниз к дороге, церкви и дальше к голым прибрежным скалам, совершенно безлюдна. Звонит телефон. Она отвечает, слушает голос на том конце.

— Я сейчас здесь, — произносит она. — Передайте: «Спасибо, но нет». Я не буду продавать. Пока не буду.

В ответ слышатся бурные протесты, но выражение ее лица остается безучастным. Санна возвращается обратно к своему черному «Саабу». Когда она выруливает на дорогу, дом проплывает в зеркале заднего вида, словно рассматривает ее выгоревшими глазницами окон.

По радио в машине заходится какой-то представитель регионального правления: *«...суровые ограничения и жесткие меры последних лет поставили регион перед необходимостью решения крупных социальных проблем и пошатнули нашу защищенность сразу по нескольким позициям. И все же они до сих пор не помогли нам привести бюджет в равновесие ...Все вместе мы должны прибегнуть к еще более жесткой экономии, не позволив при этом закрыть еще хоть один дом престарелых или какое-либо иное значимое заведение или организацию из тех, что оказывают поддержку все возрастающему числу людей, принадлежащих к наиболее уязвимым и социально не защищенным слоям населения...»*

Она выключает радио, врубает старенький CD-проигрыватель и набирает скорость. Пока мимо проплывают отдельно стоящие усадьбы и торпы¹, из динамиков льется Rabbia Fuori Controllo в исполнении Роберта Джонсона и «Панчдранкс». За окном пробегает луга, поля и темные участки леса. Потом ненадолго выныривает центр города, и под конец она въезжает в промышленную зону. Перед ней растрескавшийся асфальт, а вдоль обнесенного колючей проволокой забора тянутся ряды контейнеров.

Молодой человек в коротком платье-рубашке с рукавами-«фонариками», внушительных размеров воротником и массивными накладными плечиками стоит, судорожно подергиваясь, у светофора. У него нет одной брови, другая выведена черным фломастером слишком

¹Торп — в Скандинавии участок земли с небольшим домом.

высоко над надбровной дугой. На ногах у него грязные шлепанцы, и всякий раз, ставя на землю правую ногу, он дергается как подбитая псина. Когда она проезжает мимо, он, кажется, расслабляется на несколько секунд. Робко поглядывает на нее, и в его взгляде читается узнавание. Она сбавляет скорость, роется на заднем сиденье, опускает стекло и кидает ему шерстяную кофту. Он быстрым движением закутывается в нее и бормочет что-то, наверное, благодарит.

Санна сворачивает на гравиевую дорожку и проезжает мимо земельного участка, на котором стоят трейлер и палатка. Где-то в темноте заливается лаем собака, когда она выворачивает руль вправо у невзрачной вывески «Склад и гараж».

Дверь скрежещет, задевая бетонный пол. Санна включает лампу в углу, и мягкий свет падает на раскладушку, застеленную пледом, с кинутой поверх него подушкой. Потолок в этой части гаража ниже, остальное пространство теперь занимает наискосок припаркованный «Сааб». Ключи так и остались в замке зажигания.

Она скидывает на стул пару счетов и рекламные листовки, стягивает с себя черное шерстяное полупальто, которое падает прямо на пол, потом снимает брюки. После этого берет обшарпанные звукоизолирующие наушники и натягивает их на голову.

Ключи от гаража и полицейское удостоверение она кладет на складной столик, который выполняет роль прикроватной тумбочки. Они звякают, ударившись об уже лежащий там предмет — маленькое круглое ручное зеркальце, на котором написано «Эрик». Потом она берет блистер с мелкими сиреневыми таблетками. Выдавливает себе на ладонь сразу три и закидывает в рот.

Взгляд ее затуманивается, делается отстраненным, почти мертвым, когда она ложится на раскладушку. «Я скоро», — шепчет она, проваливаясь в темноту.

Дверной звонок в маленькой дежурной аптеке дребезжит, едва Эйр Педерсен переступает через порог. Она движется стремительно, чуть подавшись вперед, тело ее напряжено, а в настороженном взгляде чувствуется напряженная энергия. Когда она расстегивает плотно сидящую кожаную куртку и засовывает руку во внутренний карман, то видит, что стоящая за прилавком аптекарша внимательно за ней наблюдает. Неявно, но озабоченно. Эйр знаком этот взгляд, она к нему привыкла. Она почти уверена, что к этому моменту женщина в белом халате уже успела протянуть руку к тревожной кнопке. Она могла бы сказать ей что-нибудь, чтобы разрядить обстановку, но сил на это не осталось, она просто подходит к прилавку и выкладывает на него два удостоверения личности. Потом легонько стучит пальцем по одному из них.

— Вам должен был прийти рецепт на таблетки и раствор. Мне нужен раствор.

Аптекарша изучает ее удостоверение личности и вбивает что-то в компьютер, исподтишка поглядывая на Эйр.

— Не можете найти? — интересуется Эйр. — Что-то не так? Потому что в таком случае вы можете позвонить...

— Нет, все в порядке, — быстро отвечает женщина и исчезает где-то в глубине за шкафами.

Эйр осматривает маленькое помещение. На полках все в идеальном порядке. Красивый старый каменный пол намыт и отполирован до блеска, а освещение непривычно мягкое и нерезкое для аптечного. Те аптеки, к которым она привыкла на материке, похожи на гигантские стерильные контейнеры с холодным освещением ламп дневного света и продезинфицированными, забитыми до отказа стеллажами и крутящимися стойками. А здесь чувствуется лоск и атмосфера старинного магазинчика сладостей.

— Ну вот, — прерывает аптекарша течение ее мыслей. — Еще что-то?

Она запихивает в пакетик пузырек метадона и протягивает его Эйр.

Эйр смотрит на высветившуюся на экране сумму и расплывается.

— А как можно покороче пройти до Корс-парка, не через ипподром?

— Вы имеете в виду Корс-сквер? — поправляет ее аптекарша.

— Да, именно.

— Пройдите по холму, вы его сразу увидите, как выйдете на площадь. За городской стеной выходите на главную улицу и идите по ней, а потом срежьте угол у стадиона, там, где крытая ледовая арена.

— Хорошо, спасибо.

Эйр направляется к дверям.

— Хотя я бы пошла через ипподром, — добавляет аптекарша. — В такое-то время.

Маленький городок, обнесенный каменной стеной, затих в осенних сумерках. Переулки змеями обвивают отлогую площадь. Бульжники на мостовой блестят от влаги, а на поникших розовых кустах в темноте поблескивает несколько упрямых уцелевших листьев.

Начинается дождь. Эйр всегда любила непогоду, находила в ней освобождение и умиротворение. Гармония исходит откуда-то изнутри, из самых недр ее существа. Но на этот раз ощущение покоя задерживается всего на пару секунд и тотчас испаряется.

В паре шагов от нарядно подсвеченных крепостных стен городской пейзаж резко меняется. Большинство магазинов здесь уже закрыто на ночь, и чем дальше она идет мимо брошенных машин и исписанных граффити дорожных знаков, тем более пустынными становятся улицы. Эйр срезает немного, пройдя через участок не-

завершенных дорожных работ, потом минует стадион и оказывается в захудалом районе, где ютятся таунхаусы старой застройки и втиснутые по соседству с ними низенькие многоквартирные дома. Неубранная уличная мебель виднеется то тут, то там в палисадничках, а стоящие у домов помойные контейнеры набиты доверху. Чуть подалее по улице две девчонки малюют что-то баллончиками на гаражной двери.

Одна из них бросает взгляд на Эйр, когда та подходит ближе, потом равнодушно отворачивается и возвращается к своему занятию. На гаражной двери уже красуется слово «СДОХНИ», выведенное жирными буквами кислотно-розового цвета.

— Вы тут живете? — миролюбиво интересуется Эйр.

— Чё? — переспрашивает одна. У нее иссиня-черные кудри, в ушах золотые серьги, а на шее татуировка с черепом. Эйр убирает пакетик с метадоном во внутренний карман и застегивает куртку.

— Это *ваш* гараж?

Девчонки смотрят друг на друга, мысленно оценивая ситуацию.

— Да, *наш*, — отвечает одна.

Эйр достает из кармана мобильный, но когда включает его, батарейка разряжается окончательно. Она разочарованно вздыхает.

— И что, если я пойду позвоню в дверь, то мне ваша мамочка откроет?

Вторая, поджарая и мускулистая, с бритой башкой и большим драконом на толстовке, начинает нарезать вокруг нее круги. Боковым зрением Эйр замечает, что она вытащила нож и спрятала его в руке.

— А ты бы не лезла не в свое дело, если не хочешь получить, хренова... — шипит девица и делает выпад вперед.

Эйр не дает ей закончить фразу, врезав локтем прямо в лицо. Та валится навзничь, теряет нож и хватается за

нос. Тогда та, что с черепом, набрасывается на Эйр и тянет ее назад. Эйр достает до ее руки и перебрасывает через себя, так что девица ударяется головой о тротуар.

— Ты мне, блин, нос сломала, — хрипит девчонка с драконом с противоположной стороны улицы. Эйр обращивается к ней, та стоит склонившись вперед и прижимает рукав толстовки к носу.

— Совсем, на хрен, сдурела, — скулит она.

Эйр крепко хватает ее за руку и уже собирается оттащить на тротуар, когда сзади налетает девица с черепом. На этот раз она бешено размахивает зажатым в руке баллончиком с краской. За это время девица с драконом успевает подобрать с земли нож, но Эйр хватает ее за запястье, нож снова падает, и ей удается отпихнуть его подальше, под одну из припаркованных машин.

Она бросает девицу с драконом рядом с гаражной дверью, но замечает, что за ней наблюдают. За занавеской в темном доме, стоящем рядом с гаражом, стоит девчонка того же возраста, что и те две, с которыми она только что дралась. Зажигается свет, и в окне появляется женщина постарше в накинутом на плечи халате.

Женщина оттирает девчонку от окна и начинает звонить по мобильному, движение губ выдает, что она просит соединить ее с полицией. В ожидании ответа она пушливо поглядывает на улицу.

Эйр потягивается, делает глубокий вдох и пытается вернуться в состояние равновесия. Она стирает кровь с треснувшей губы, засовывает руки в карманы и идет дальше.

2.

На следующее утро, когда Санна отправляется на машине к старому известняковому карьеру в восточной части острова, земля покрыта тонким налетом инея.

Гигантский кратер наполнен стоячей водой бирюзового оттенка. У кромки воды уже примостились машина «Скорой помощи», пикап спасательной службы и полицейский автомобиль с распахнутыми дверями. Спасатели возятся со своими резиновыми комбинезонами, пытаются сложить их на ветру, чтобы потом запихнуть в багажник пикапа. На носилках в открытом мешке для трупов лежит тело девочки. Кто-то осторожно поправляет, убирая в чехол, ее длинные рыжие волосы.

Санна припарковалась и вылезла из машины. Земля кажется онемевшей под ее сапогами, повсюду меж корней и булыжников виднеются кроличьи норы. От летних купальщиков остался разбросанный по земле мусор. Пластмассовые столовые приборы, обертки от мороженого и треснувшая бутылка из-под вина. До нее доносится шум моря, накатывающего волны на прибрежные камни в нескольких километрах отсюда. На этом острове ты слышишь его повсюду, где бы ни находился.

Карьер — излюбленное место для купания. В отличие от мелководных бухточек, где всегда толчея, в него с легкостью можно занырнуть в поисках приятной прохлады. Впрочем, в остальное время года это место заброшено и пустынно. Кроме лежащего на земле мусора о присутствии людей напоминают лишь мостки с ржавой лесенкой и две крошечные кабинки для переодевания, притупившиеся за рощицей.

Санна понуро смотрит на тело, лежащее на носилках. Издалека девочка выглядит маленькой и совсем худой, ее ноги раскинуты, как у мертвой птички.

Комиссар криминальной полиции Бернард Хельквист вылезает из своего автомобиля, взглянув на нее лишь мельком. Санна вспоминает, как раздраженно звучал его голос по телефону. По утрам он всегда в дурном настроении, и сегодняшнее утро исключением не стало. Высокий, мускулистый, широкоплечий комиссар переминается с ноги на ногу, обхватив себя руками, чтобы

хоть немного согреться. В уголке рта торчит сигарета, зажатая меж тонких губ. Только высосав весь никотин до капли, он небрежно роняет окурок на землю. Сузив глаза, он щурится на нее и коротко кивает в знак приветствия.

— И надо же этому было в воскресенье случиться, — произносит он. — Я сегодня матч собирался смотреть.

— А где остальные? — интересуется Санна.

— Йон был здесь, но уже уехал. Делать-то особо нечего. Не стоило тебе звонить, могла не приехать. Но нам надо было вытащить ее из воды, чтобы убедиться, что это самоубийство.

— Я все равно ничего особенного не делала.

Он улыбается ей, потом проверяет время, взглянув на мобильный.

— Нам известно, кто она? — спрашивает Санна.

— Зовут Мия Аскар. Четырнадцать лет, скоро должно было пятнадцать исполниться. Официально мы ее еще не опознали, но мама приходила в управление несколько дней назад. Заявила об исчезновении дочери. У нее при себе было фото, и описала она ее очень подробно. В общем, я не сомневаюсь, что это она. Черт бы подрал этих современных подростков-эгоистов.

Санна резко вскидывает на него взгляд.

— Ладно, ладно, — бормочет он. — Прости. Но хоть немножко я могу позлиться. Это же младший внук, да еще его первый выездной матч.

— Совсем скоро сможешь смотреть футбол целыми днями. Всего две недели осталось.

— Знаю я. Вряд ли они так уж быстро пролетят.

Санна вздыхает.

— А как же криминалисты?

— Так ведь самоубийство.

— Но они приедут?

— Они сейчас в северной части острова. Проникновение со взломом в одно из зданий старой военной ба-